

* 5 МАЯ 1982 *

2207

Приокская правда
А. Рязань

ПРИОКСКАЯ ПРАВ

УЧИТЕЛЬ, ПИСАТЕЛЬ

НЕ СТАНЕМ тешить себя вопросом: много это или мало — шестьдесят? Разумеется, немало. Особенно, если вспомнить, что твои детство, отрочество и юность совпали с эпохой коллективизации на селе, что твоя молодость прошла по дорогам Великой Отечественной войны, а зрелость...

Вот эти 60 лет — они и есть зрелость.

С войны Алексей Иванович Осипов, — а сегодня именно он у нас юбиляр! — привез два желания, две мечты: учить ребятшек добру и писать книги.

Вот уже несколько десятилетий вся его жизнь посвящена исполнению этих замыслов. Преподаватель, директор сельской школы, он неустанно трудится над рукописями своих произведений. Не всякий учитель — писатель, но всякий писатель — в какой-то степени учитель. К А. И. Осипову последнее определение относится без каких-либо скидок. Мне рассказывали, что в Заборьевской восьмилетке, руководимой им, хорошо поставлено дело профориента-

ции: многие выпускники охотно остаются работать в родном хозяйстве. Думается, что в жизненном выборе этих ребят определенную роль сыграли не только уроки А. И. Осипова, но и его книги: и самые первые, о детях и для детей — «Как Володя стал охотником», «Веселая поляна», и последние, «взрослые» — «Слепая любовь», «Я люблю Кольку».

Только что в издательстве «Современник» увидела свет новая книга Алексея Ивановича — повесть «Когда не пели соловьи». Лучшего подарка себе (и — заметим в скобках — товарищам по организации) юбиляр придумать не мог бы.

Поздравляя Алексея Ивановича Осипова с днем рождения, товарищи по писательскому цеху от души желают ему доброго здоровья и новых творческих свершений.

Вал. САФОНОВ,
ответственный секретарь Рязанской писательской организации.

ПРЕДЛАГАЕМ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ ОТРЫВОК ИЗ НОВОЙ ПОВЕСТИ ПИСАТЕЛЯ «КОГДА НЕ ПЕЛИ СОЛОВЬИ», ПОСВЯЩЕННОЙ ЖИЗНИ КОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНИ НАЧАЛА ПЯТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ. КНИГА РАССКАЗЫВАЕТ О РАДОСТИ БОЛЬШОЙ И ПЛОДОТВОРНОЙ РАБОТЫ НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ, О ЛЮБВИ. ГЛАВНЫЙ ЕЕ ГЕРОЙ, ОТ ЛИЦА КОТОРОГО И ВЕДЕТСЯ ПОВЕСТВОВАНИЕ, — ДИРЕКТОР СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ...

ТЕМНЫМ осенним вечером, когда учащиеся второй смены уже были отпущены из школы, я увидел около одного из классов Валентину Ивановну. И она, смущаясь, сказала:

— Я вас приглашаю сегодня к себе на вечер.

— Какой вечер?

— Придете — узнаете, заранее говорить не буду.

«Что за вечер? — думал я, придя в свой кабинет. — Может, день рождения, может, гости какие приехали? А что мне там, старику, делать-то? Будут, поди, молодые учительницы, их ухажеры...» Пошел домой... Жена Клава, веселая, что-то мурлыча под нос, гладила платье.

— Тебя на свадьбу Валентина Ивановна пригласила? Пойдешь?

Ах, вот что за вечер! Свадьба. Все это я никак не мог взять в голову.

Молчу, еще не могу смириться с таким известием.

— Не хочется, да? И мне не хочется. Да у нас и подарков нет никакого.

— Верно, — согласился я с ней. — Уж не могла раньше сказать, чтобы мы пригостились, как положено, подарок купили.

А про себя думаю: «Как это буду я там смотреть на жениха и невесту? Чего доброго, по дурацкому обычаю, еще целоваться станут. Конечно, станут. Закричат им «горько» — и потянутся они друг к другу. А что им смотреть на кого-то? Какое им дело до меня? Да и знает ли она о моих страданиях? Вот чудак — влюбился в девчонку, а сказать боялся. Да и как бахнуть такое: «Я вас люблю, Валентина Ивановна»?

— Да... да, — повторила Клава. — Мы совсем не виноваты. Могла бы она заранее предупредить.

Я думал, мать, играя с внучкой, не слышала нашего разговора, но не тут-то было.

— Не обязательно подарок. Можно денег дать. Какая разница — деньгами да же лучше.

— Правильно, — обрадовался я мудрому материнскому совету, забыв о том, что минуту назад не хотел идти.

Клава захохотала:

— Да вы что? Люди добрые, послушайте только. — Она уставилась на меня строгими глазами. Потом выбросила на стол толстую книгу

— сочинения Макаренки. — Вот. И культурно, и весело... Давно известно, что книга — лучший друг. Подпиши на память...

Алексей ОСИПОВ

СВАДЬБА

«А, пожалуй, и верно, — подумал я. — Валентина Ивановна сама не хотела, чтобы были подарки, поэтому она и не сказала заранее».

Надевая праздничный костюм, белую рубашку с новым галстуком, я думал о том, что же написать на книжке. Надо что-то запоминющееся, оригинальное, а в голову лезла какая-то банальная чепуха, вроде: «Любовь вам и совет», или «Желаю счастья на всю жизнь». Наконец, взял ручку и написал: «Замужество — второе рождение». Завернул книгу в газету, и мы с Клавой отправились на вечер.

Народу на свадьбе было мало. Несколько коллег — учителей, два товарища жениха, хозяйка, у которой она жила на квартире. Жениха ее, Григория, я видел и раньше. Играл с нами, учителями, в волейбол, проходил по деревне в тот дом, где жила Валентина Ивановна, но разговаривать мне с ним не приходилось. На вид он был смугл, суров и молчалив. То ли слов ему не хватало, то ли характер такой, но больше двух-трех однозначных ответов, вроде «не знаю», «не видел», от него не слышали.

Не дай бог быть женихом. Осмотрят тебя со всех сторон, причем в один и тот же час, и все по-разному. Мне, например, жених тогда не понравился. «Как это, — подумал я, — она могла полюбить его?» Темное, как у цыгана, лицо, черные и, видно, жесткие, прямо проволочные, волосы, шрам на подбородке. На лице его я не прочитал ни радости по случаю такого события: берет в жены молодую красивую девушку, ни печали: мужчина с женой теряет покой, свободу и, часто, самостоятельность. Сидел он как бы один в комнате, молчал и был неподвижен.

Валентина Ивановна, собранная и аккуратная, как всегда была внимательна ко всему происходящему. Свет-

ло-синие глаза ее лучились легкой тревогой. Свадебное цветное платье оттеняло нежность ее лица, которое в тот вечер было бледнее обычного.

Я давно замечал, что до первой рюмки разговор между людьми не клеится. Женщины, сбившись в кучу, шепчутся или хохочут, делая вид, что им очень весело. Мужчины с нарочитой серьезностью курят, ведут раз-

говор о рыбной ловле, охоте, машинах или решают вопросы международного масштаба — малопонятные и неинтересные женщинам. Каждый старается быть умнее, чем есть на самом деле, внимательнее и веселее, чем в обычный день. А уж снисходительности к недостаткам других хоть отбавляй. Иногда даже думаешь: «А что бы люди всегда были такими». Но это, я говорю, до выпивки. Потом, после двух-трех чарок смелее суждения, громче голос, чаще шутки и смех. Сама собой вспыхивает песня.

Так было и на этой маленькой свадьбе. Спели «Стеньку Разина», «Что ты жалко глядишь на дорогу», «Ой, цветет калина». Кто-то попросил сыграть таец. Когда по избе с низким потолком поплыли звуки вальса «На сопках Маньчжурии», я подошел к невесте и пригласил ее на вальс. И она, кажется, ждала именно моего приглашения. Надо сказать, что танцор я был слабый. Детство мое прошло в поле, за плужком, юность в порохом лыму Отечественной войны. Поэтому танцевать не научился. Но с Валентиной Ивановной мне танцевать было легко. Она чувствовала мои малейшие движения. Мы ловко обходили пары танцующих, кружились, отыскав кусочек свободного места, отступали назад, если там никого не было.

Жених, играя на баяне, глядел куда-то в сторону, как бы мало интересуясь, с кем танцует его невеста-жена... Для него, кажется, главным было, чтобы хорошо сыграть или хотя бы не сбиться с ритма.

После танцев гостей пригласили за стол.

Ксения Константиновна, наша учительница начальных классов, подруга невесты, худенькая девушка, певунья и хохотушка, крикнула:

— Горько!

— Горько! Горько! — закричали другие.

Григорий продолжал сидеть, будто не расслышал или не к нему это относилось, а к другому.

— Горько! — вопили гости.

Валентина Ивановна, стеснительно улыбаясь, вдруг сказала:

— А знаете что, давайте без этого. Под окнами народ, ученики, могут нас увидеть...

«Ах, какая умница», — подумал я. И тут только заметил, что ее рюмка осталась совершенно полной, она ни разу не прикоснулась к ней губами.

Потом я танцевал с другими учительницами, со своей Клавой и опять с Валентиной Ивановной. Мне было так хорошо с ней — она рядом, такая нежная и желанная. Унести бы ее — вот такую, какая есть: худенькую и стройную, как тростинка. Унести в одном легком платье... и чтобы никого из тех, кто сейчас на этом вечере, с нами не было... На весь крестьянский дом гремит баян, кружатся пары. Смешно и глупо — зачем все эти люди здесь? А что, если сказать ей, о чем я думаю? И вдруг, набравшись храбрости, я говорю, видимо, совершенно невпопад:

— Я вас люблю любовью брата...

Она кидает головой и улыбается... Не то, думаю, это же неправда... И я заканчиваю чудесный пушкинский стих:

— И, может быть, еще нежней!

Я жду, что она скажет — не оттолкнет ли, не убежит ли, но она недолго заставляет меня терзаться, шепотом говорит:

— А я вас тоже...

И благодарно жму ее руку, которая стала, кажется, еще горячее, слегка прижимаю ее к себе. Но она, как бы спохватившись, тихим, но твердым голосом добавляет: «Поздно».

...В это время открывается дверь, и на пороге появляется наш председатель колхоза.

— У них тут пир горой и дым коромыслом, а я его ищу, — обратился он ко мне. — Собирайся, поехали.

— Далеко?

— На областную радиопереключку.

Шумитина пригласили к столу, налили вина.

— А по какому случаю торжество?

Ему объяснили, Шумитин поднял рюмку.

— Поздравляю. Желаю вам любви покрепче и детей побольше, а то в колхозе недостатков в рабочей силе.

Все засмеялись, заплотировали...